

НУРБУЛАТ ЭДИГЕЕВИЧ МАСАНОВ
(20.04.1954–5.10.2006)

Несколько дней тому назад до меня с большим (почти в три месяца) запозданием дошла скорбная весть о безвременной кончине Нурбулата Масанова. И с того времени меня не покидали мысли о нем.

В его лице отечественная этнология потеряла талантливого ученого, внесшего свой заметный, оригинальный вклад в нашу науку. Несомненно, он еще многое мог бы сделать – жизнь Нурбулата Эдигеевича оборвалась в пору его наивысшего творческого подъема. Но не в меньшей мере с его уходом мы лишились большой, смелой, обаятельной личности, какие не так уж часто встречаются на нашем земном пути.

К сожалению, мне не довелось с ним много общаться, хотя я, конечно, не мог не заметить Нурбулата еще во время его докторантуры в нашем институте. Да и невозможно было не обратить внимания на этого обаятельного, активного, открытого, увлекающегося человека. Бросалась в глаза и его внешность. Он был высокий, плотный, с густой черной шевелюрой. Облик его лица определяли искрящиеся, умные глаза за стеклами очков и немного смешные усы.

Но самое главное, что в нем было, – это, конечно, его живой, блестящий ум. В ту пору (в конце 1980-х – начале 1990-х годов) мои научные интересы были далеки от того, чем занимался Нурбулат. Однако и до меня доходили слухи о его оригинальных, правда, по мнению некоторых, не во всем бесспорных теориях эволюции кочевого казахского общества.

Нурбулат Эдигеевич Масанов родился в 1954 г. в Караганде. Его отец – известный казахский этнограф – погиб, спасая тонувшую сотрудницу своего отряда. Нурбулату в то время было всего 11 лет. Отец всю жизнь был для Нурбулата, как он сам пишет, недостижимым идеалом, символом высокого служения науке. Большое влияние на интересы и формирование личностных качеств будущего ученого оказала его мать – Сауле Мусатаевна Ахинжанова, ее отец – Мусатай Бекбулатович Ахинжанов и брат – Сержан Мусатаевич – оба известные казахские историки (Масанов 1995: 20). Естественно, что выходец из такой семьи тоже окончил исторический факультет Казахского государственного университета. В 1980 г. Нурбулат стал кандидатом исторических наук, защитив диссертацию по теме “Налоговая политика царизма в Казахстане в 20–60-х гг. XIX в. (социально-экономический анализ)”. В 1976–1986 гг. он работал в Институте истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова АН Казахстана, пройдя путь от лаборанта до старшего научного сотрудника, в 1986–1988 гг. был ученым секретарем отделения общественных наук республиканской АН. В 1989–1991 гг. Нурбулат учился в докторантуре Института этнографии АН СССР, где в 1992 г. защитил докторскую диссертацию “Специфика общественного развития кочевников-казахов в дореволюционный период: историко-экологические аспекты номадизма”, которая в 1995 г. была опубликована (Масанов 1995). Эта работа является весьма фундаментальным и оригинальным исследованием, посвященным особенностям формирования и жизнедеятельности кочевого общества казахов, сложившегося в специфической аридной природной среде. В историко-экологическом ключе автор предлагает и свою концепцию этногенеза и этнической истории казахов. Работа основана на большом круге разнообразных источников, а также на великолепном знании как отечественной, так и зарубежной литературы (чему способствовало его блестящее владение английским и французским, а в какой-то мере и немецким языком). В целом за 30 с небольшим лет своей научной деятельности Нурбулат Эдигеевич опубликовал более 150 научных и научно-публицистических работ и учебных пособий.

Как мне кажется, в жизни и в научной деятельности Нурбулату была чужда осторожность и расчетливость. Как человек увлекающийся и смелый, он зачастую высказывал идеи и мнения, вызывавшие неприятие окружающих и острую критику в его адрес. Так, к примеру, будучи яростным противником любого национализма, он накануне распада СССР и в постсоветские годы открыто выступал с критикой многих социальных мифов нашего времени, порождающих всякого рода ксенофобии. В частности, он категорически не соглашался с широко распространенной среди казахской интеллигенции идеей о целенаправленной русификации казахов, якобы проводившейся в годы советской власти при помощи интенсивного индустриального и сельскохозяйствен-

ного освоения Казахстана. По его мнению, сторонники этой идеи путали следствие с причиной – советское государство прежде всего осуществляло на казахстанской земле, как и в других регионах страны, свои стратегические задачи по индустриализации и модернизации единого для СССР народного хозяйства, что, естественно, вызывало также те или иные социально-этнические изменения. Большой и далеко не однозначный отклик получила в свое время его статья “Казахская политическая и интеллектуальная элита: клановая принадлежность и внутриэтническое соперничество”, в которой он с присущей ему смелостью поднял до этого закрытую тему о роли в политической жизни Казахстана групповых ассоциаций и лояльностей, основанных на традиционной (или таковой признанной) сегментации казахского общества.

Впервые по-настоящему мы с ним сблизились во время работы одной из ежегодных шанинских конференций “Куда идет Россия”, где-то в первой половине 1990-х годов. К тому времени научные интересы Нурбулата, как и многих отечественных этнологов, явно сместились в сторону животрепещущих проблем, вызванных распадом Союзного государства и образованием на его месте новых суверенных республик. Его интересный, смелый доклад, а также выступления в дискуссиях (особенно в связи с критическим по отношению к тогдашнему российскому социально-политическому режиму докладом П.В. Волобуева) ясно показали, что его не заморозили ни националистический угар, почти поголовно охвативший в те годы интеллигенцию (особенно гуманитарную) титульных народов бывших союзных республик и автономий, ни широко распространявшийся вульгарно-популистский антиисторизм в оценке советского наследия, на котором многие из наших коллег делали тогда себе новую “научную” и политическую карьеру. Он сохранил и публично продемонстрировал трезвый, взвешенный взгляд как на недавнее советское прошлое, так и на социально-политические трансформации в родном Казахстане и в других бывших союзных республиках, в одночасье ставших новыми суверенными государствами. Во время тогдашнего недолгого общения с ним меня то и дело невольно охватывала радость от сознания того, что и в нашем научном цехе встречаются столь умные и блестящие собеседники, столь свободные по мыслям и духу люди. Видимо, бесстрашие в Нурбулате было от отца. Но проявлять его ему пришлось в совершенно других условиях и по другим поводам.

В середине 1990-х годов мне довелось участвовать в полевой работе в Северном Казахстане в рамках российско-американско-казахстанского проекта по изучению этнополитической ситуации в этом постсоветском государстве. Официально казахстанскую сторону представлял Алма-Атинский университет, а реально Нурбулат, бывший в то время его профессором. Из-за какой-то недоговоренности руководителей проекта с высоким начальством в Алма-Ате (тогда еще казахстанской столицы), так и не подтвердившим областной администрации договоренность о работе нашего отряда (а всего по Казахстану их было четыре), мне с Ириной Субботиной пришлось не только прекратить уже начавшийся массовый опрос, проводимый с помощью студентов местного университета, но и побеседовать с начальником областного комитета национальной безопасности. Одним из главных обвинений в наш адрес, прозвучавших из уст невысокого молодежьего казахского генерала, сидевшего в кресле на фоне развернутого флага республики и портрета Назарбаева (“Поймите меня, я здесь на страже безопасности нашего государства и нашего президента”, – сказал он), было то, что мы – представители иностранного, хотя и дружественного государства – собираем важную информацию для третьей, американской стороны. На мою реплику о том, что это обычное социологическое исследование, в котором к тому же на равных участвуют и казахстанские ученые, в частности профессор Масанов, генерал раздраженно воскликнул: “Знаем мы этого Масанова!”

Эти слова генерала КНБ приоткрыли для меня те весьма не простые обстоятельства, в которых приходилось работать Нурбулату. Мы-то, хотя и не совсем по своей воле, но, в конце концов, вернулись в нашу “дружественную” Казахстану страну, а ведь он остался на родине под пристальным вниманием властей новой суверенной державы, а для этого нужно было подлинное, постоянное мужество.

Спустя еще несколько лет, летом 1999 г., мне посчастливилось провести несколько дней у Нурбулата дома, в Алма-Ате. Тогда же я познакомился с его милой, красивой и умной женой Лаурой. Нельзя было по-хорошему не позавидовать, глядя на эту удивительно гармоничную пару. По все-

му было видно, что она была и верным другом, и помощником Нурбулата, и вообще играла огромную роль в его жизни.

В тот год я завершал сбор материалов для своей будущей книги по проблемам русского населения стран нового российского зарубежья и отправился для этого в командировку в Алма-Ату и Бишкек. Помимо прочего я планировал провести опрос экспертов на эту тему и заранее договорился с Нурбулатом, что он мне в этом поможет. Из Алма-Аты я дважды ездил в Бишкек, где в аналогичной работе мне много содействовал наш бывший аспирант Абалабек Асанканов, ставший к тому времени заведующим кафедрой Киргизского государственного университета. А возвращаясь в Алма-Ату, я жил то у Нурбулата, то у своего однокурсника по МГУ Казихана Биржанова.

Помню, с каким интересом Нурбулат пересказывал мне нередко пространные ответы экспертов на составленные мной вопросы и азартно предвосхищал возможные направления анализа полученного материала. С сожалением признаюсь, что я не оправдал всех его ожиданий, использовал в книге далеко не все из тех многообразных данных, которые были тогда получены, отложив до лучших времен более глубокую и многогранную их интерпретацию. Но этого времени так и не дождался – довольно обычная судьба многих научных начинаний.

Помимо обсуждения нашей совместной работы, мы много и увлеченно беседовали и на другие, в том числе личные темы. Нужно сказать, что к этому времени профессора Казахстанского государственного университета Нурбулата Масанова, не скрывавшего своего неприятия установившегося в стране социально-политического режима и изрядно надоевшего самому высокому республиканскому начальству своими смелыми и умными устными и письменными оппозиционными выступлениями, “отставили” от университета. Для этого воспользовались тем, что он на какое-то время уехал читать лекции в Сорбонну, конечно, договорившись с коллегами, что те подменяют его на это время. А когда он вернулся на родину, его уволили за прогулы.

Если мне не изменяет память, этому предшествовало предложение важного места в администрации президента республики. Дорожа прежде всего независимостью и возможностью публично высказывать свое мнение, Нурбулат, конечно, от этого предложения отказался. Его стали уговаривать, а однажды даже надолго заперли в кабинете, сказав, что не выпустят, пока он не напишет заявление о желании получить предлагаемую ему должность. Просидев несколько часов, он, в конце концов, решил, что делать нечего, и написал то, что от него хотели. Но когда вернулся домой и рассказал об этом жене, она его пристыдила – мол, если ты и впрямь на это согласишься, то потеряешь свое лицо, ты станешь уже другим человеком, не тем Нурбулатом, которого знают люди. Устыдившись своей временной слабости, он позвонил тем, кто вынудил его написать заявление, и сказал, что он сделал это не по своей воле и поэтому от него отказывается. “Они были бы рады, если бы я уехал из Казахстана”, – говорил он мне. “Но не дождутся. Это мой дом, моя родина, мне здесь интересно, я тут нужен. И я никуда не уеду”.

Увольнение из университета такого интересного ученого и человека, как Нурбулат Масанов, несомненно, не пошло на пользу его студентам, да и университет, конечно, от этого лишь проиграл. Но сам Нурбулат продолжал интенсивно работать, оставаясь все эти годы (с 1998 г. по 2006 г.), как он определял свое положение в республике, независимым аналитиком, и одновременно – визитинг-профессором Высшей школы социальных исследований Франции. За 1990-е годы он стал одним из самых известных казахстанских политологов, активно участвовал в проектах по современным этносоциальным проблемам Казахстана и других постсоветских республик Центральной Азии, в том числе с российскими учеными – сотрудниками Института этнологии и антропологии (в частности в этнологическом мониторинге – Масанов, Савин 1997) и Института востоковедения РАН, писал статьи, ездил на международные конференции, был членом редколлекции международного журнала “Центральная Азия и Кавказ”, российского журнала “Вестник Евразии”, принимал участие в правозащитном движении. Он был одним из основателей и учредителей общественной организации “Международный фонд интеллектуальной поддержки реформ в Казахстане и Центральной Азии”.

После встреч в 1999 г. с Нурбулатом в Алма-Ате я его больше не видел, но знал, что он подготовил альтернативные официальным учебники по истории Казахстана и Центральной Азии, из-

дал сборник своих статей по этнополитическим проблемам постсоветского развития республики, участвовал в международных проектах по вопросам кочевничества на примере народов Центральной Азии (Масанов 2000), одним из инициаторов которых был Анатолий Хазанов. Последним делом его жизни была организация Института номадологии (у него несколько другое, пространное название, но суть в этом), директором которого он стал в 2006 г. Он решил отойти от политологии, видимо, уже несколько его разочаровавшей, и в основном посвятить себя проблеме, которая в свое время создала ему имя в этнологической науке и которой он в той или иной мере продолжал заниматься и в пору своего увлечения современными актуальными этнополитическими проблемами. Поздней осенью 2006 г. институт организовал свою первую международную конференцию по кочевничеству, и так случилось, что ее открытие совпало с похоронами Нурбулата Эдигеевича. Организацию их взяла на себя алма-атинская мэрия, а проводить его в последний путь пришли тысячи людей, отдавшие дань памяти одному из лучших сыновей многонационального народа Казахстана.

Еще трудно примириться с мыслью, что больше никогда не увидишь этого умного, обаятельного, бесстрашного человека, но в утешение остается благодарность судьбе за то, что она мило стиво свела нас с ним.

Литература

Масанов 1995 – Масанов Н.Э. Кочевая цивилизация казахов (основы жизнедеятельности кочевнического общества). Алматы; Москва, 1995.

Масанов 2000 – Масанов Н.Э. Итоги первого года социологического исследования скотоводства в Казахстане. Медисон, 2000.

Масанов, Савин 1997 – Масанов Н., Савин И. Казахстан. Модель этнологического мониторинга. М., 1997.

С.С. Савоскул